

Не было никаких колебаний даже в том, чтобы впустить его в свое горло. В конце концов, именно там было место его члену. В ее послушном горле, массируемом спазмирующей выстилкой, когда она с силой рвала его член. Это было нормально; рвотные позывы были признаком того, что она старалась доставить ему удовольствие, и она надеялась, что однажды эти неловкие, небрежные звуки пройдут, и она больше не будет шумно задыхаться от гордого члена своего хозяина, но пока ее горло не привыкло к нему, это не было чем-то постыдным. Позорным был бы поверхностный минет. Позорным было бы взять его член руками. Она никогда не должна была этого делать, никогда не должна была гладить его до конца, если он прямо не сказал ей об этом. Но взять его в горло? Ее борющиеся звуки были признаком преданности.

"Я всегда думал, что ты будешь извращенной членосоской", - простонал Тим в глубоком удовлетворении, хватаясь за ее длинные светлые волосы и притягивая ее еще ниже, наслаждаясь каждым рвотным звуком, который она издавала, глотая его член. "Но не настолько извращенная, чтобы знать, как глотать большой член, похоже. Хорошо; это значит, что я больше мужчина, чем ты когда-либо имела раньше". Услышать, как она борется с его членом, было именно тем, на что он надеялся, - признаком того, что он не просто восемнадцатилетний сопьяк, запавший на женщину почти вдвое старше себя, которая была ему не по зубам. Он не только держал ее на коленях и под своим контролем, но она еще и захлебывалась его членом, что говорило о том, что он определенно испытывает ее горло больше, чем она может выдержать, и это было музыкой для его ушей.

Дайна слюнявила и слюнявила весь член Тима, сжимая пальцы на его животе, стоны раздавались в ее груди, когда чистый восторг омывал ее. Ее капающая киска превратила в полный беспорядок купальник, струйки стекали по брюкам в сеточку, пока она с удовольствием обслуживала его член, двигаясь вперед-назад, с каждой секундой все быстрее и быстрее. Она двигалась так, словно в ее волосах была рука, жестоко оттрахивающая ее на его члене, но это было не так; это была только она, все желание служить, зарождающееся в Дайне, когда она показывала, на что способна, когда она с радостью и потребностью обслуживала его член без колебаний и пауз, полностью покорная и счастливая питомица, без раздумий дающая своему хозяину все, что он так сильно заслуживает. Это было все, чего она хотела, все, ради чего она жила. Его счастье имело первостепенное значение, и она дала ему все.

Так она работала взад и вперед, делая глубокий глоток и трахая его лицом вниз на его член со всей энергией и разворотом, которые теперь властвовали над ней. Она не стеснялась, стонала и слюнявила весь его член, скулила, чувствуя потребность в воздухе и необходимость отстраниться, но не могла. Она не могла. Не тогда, когда член ее хозяина нуждался в сосании, не тогда, когда она была в такой полной отключке, что все, что имело для нее значение, это уступить. Все, что имело значение, - это удовольствие ее хозяина, и ничто другое не имело значения.

Поэтому было так приятно, когда Тим, наконец, кончил, схватив ее за волосы и отстранив ее рот. Его хватка на ее волосах удерживала ее на месте, пока он делал ей злобный массаж лица, его напряженные и ноющие яйца выпустили мощный поток спермы по всему лицу нуждающейся блондинки. Сперма попала повсюду, размазалась по ее лицу и даже попала в нос в процессе его мощного взрыва, но она не жаловалась, наслаждаясь вкусом его густого, липкого семени, пытаясь вытянуть язык, чтобы снять как можно больше с того места, до которого она могла дотянуться. "Твоя сперма потрясающая на вкус, хозяин. Спасибо, что дал

мне мою награду".

Но затем наступила самая лучшая часть. Часть, которую он специально ввел в гипноз, надеясь, что он сработает. Дайна внезапно кончила, застонала, откинув голову назад в возбуждении и панике, внезапный оргазм застал ее врасплох. Между ее ног образовалась лужица, куда стекала вся вытекающая жидкость из ее костюма. Стоны и извивания были явными признаками яркого и вульгарного оргазма, чего-то совершенно нецеломудренного и сильного. Это было действительно ее наградой; ее приучили кончать всякий раз, когда она доводила мужчину до оргазма. Не конкретно Тима, а на случай, если он когда-нибудь решит сдать ее в шлюхи или продать; заставляя кончать любого мужчину, она получала удовольствие. Ей не нужно было это воспитание, но было гораздо унижительнее быть такой оральной шлюхой, что она могла кончить просто от того, что ей трахали горло.

И это действительно работало. Он только что оттрахал горло Черной Канарейки до конца, и она кончила в процессе. Мечта Тима сбылась, многолетняя фантазия воплотилась в жизнь. Это было именно то, что он хотел увидеть, лучший сценарий из всех, какие только есть в технологии, и он чувствовал, что ему нужно получить больше такого, и в то же время он был благодарен Тетчу за то, что он такой безумный, чертовски гениальный человек. "Ты хорошо справился, но твоя работа еще не закончена, не так ли? Ложись на спину, я хочу твои сиськи".

"Конечно!" Дайна заскулила, опустившись на место. Слюна, стекавшая по ее подбородку, оставляла ее груди блестящими, а купальник плотно прижимал их друг к другу, что делало его идеальным для траха сверху вниз, даже не потрудившись снять с нее одежду; он просто взял бы ее так, воспользовавшись ее обширным декольте, чтобы возбудиться. "Пожалуйста, хозяин, мое тело - твое, делай с ним все, что хочешь. Я живу тобой, и я хочу, чтобы тебе было хорошо, поэтому, пожалуйста, используй мое распутное тело, чтобы удовлетворить себя".

"Тогда ты не откажешься полизать и мою задницу", - пробормотал Тим, усаживаясь на лицо Дайны и пристраивая свою задницу прямо напротив ее жаждущих губ, обнаружив, что ее язык уже высунулся и возбужденно шевелится; она так сильно хотела служить ему, и, казалось, ничто не могло ее остановить. Тима это вполне устраивало, он схватил свой член и направил его в ее сиськи, застонал, подаваясь вперед и погружаясь в тепло ее декольте. Он не стеснялся признаться, что дрочил на нее уже много раз, но с такими идеальными сиськами, как же иначе? Грудь Дайны была произведением искусства, и теперь она была его собственностью.

Без колебаний и стыда Черная Канарейка зарылась языком в задницу Красного Робина, громко стонала, обслуживая его, с радостью давая ему все, что он хотел, жаждая наслаждения от осознания того, что ему хорошо. Это было все, что имело для нее значение, все, что ей было нужно, и она была рада быть домашним животным, служанкой, которая ублажала его, как он хотел, когда он хотел. С его толстым членом, зарытым в ее макушку, и языком, засунутым в его задницу, она чувствовала себя умиротворенной, счастливой, удовлетворенной. Здесь ее место, и слышать его стоны, когда он раскачивался взад и вперед, было лучшим, что она когда-либо могла надеяться услышать.

Постоянные толчки вперед-назад вводили его член в ее макушку, и это было невероятно. Все тесноты, которые она имела в своем топе, чтобы удержать грудь на месте, создавали нечто невероятное, когда он проталкивал свой член между ними, подвергая ее самому грубому

воздействию, на которое только был способен. Его распутная степфордская жена не собиралась никуда уходить, не собиралась жаловаться, но вся тьма, наполнявшая его, заставляла его желать опустошения, покорения, уничтожения. Тот факт, что он превратил героиню в покорную игрушку, не заставил его быть с ней помягче: он прижимал свою задницу к ее лицу, наслаждаясь тем, как он заставлял ее делать все, что он просил, без колебаний.

Для них обоих это было идеально. Для Тима крайний акт подчинения и принятия, превращающий его вождественную героиню в покорную секс-куклу, был самым приятным ощущением в мире, и его член пульсировал между ее пухлыми сиськами, а он наслаждался каждой секундой, когда мог чувствовать, как ее язык ласкает его задницу, доставляя дополнительное греховное удовольствие. Дайна находила удовлетворение в наслаждении своего мужчины, полный и жесткий контроль разума, установленный над ней, был настолько силен, что ничто не могло поколебать его, и она осталась полностью покорной, полностью отдаваясь Тиму и давая ему все, что он хотел, получая взамен удовольствие через свою программу. Ее ждал еще один оргазм, если только она продолжит есть его задницу и позволит ему трахать ее сиськи.

Тима ждали самые развратные острые ощущения, и пока он продолжал насаживаться на ее сиськи, в его голове крутились всевозможные развратные идеи, которым он мог бы подвергнуть Дайну, вещи, которые он всегда мечтал сделать, вещи настолько вульгарные и извращенные, что он никогда бы не подумал сделать их с женщиной, но теперь он не мог насытиться ими. Одним из важнейших элементов того, что было сделано с его собственным разумом, было его сексуальное извращение, превращение его в нечто жестокое и доминирующее, достаточно развратное, чтобы не отстать от такого безумного и сексуально жестокого человека, как Джервис Тетч. Это было сильное изменение в его личности, и оно придало ему жестокость, такую же извращенную, как и у женщины, лижущей его задницу, только не такую явную.

Стонущая, лижущая и делающая все возможное, чтобы доставить удовольствие, Черная Канарейка была готова к жизни в подчинении, к жизни, лишенной необходимости бороться с преступностью и заниматься чем-либо конструктивным, предпочитая вместо этого сидеть дома и обслуживать своего мужчину. У нее были все намерения стать идеальной домашней шлюхой, домохозяйкой и шлюхой в одном идеальном, изогнутом пакете. Это было то, на что она была запрограммирована, в конце концов, и, с удовольствием вылизывая задницу Тима и держа свои сиськи вместе, она лежала там в восторге, ее ноги терлись друг о друга, а ее извращенный разум полностью отдался приливам интенсивного, вульгарного удовольствия. Это было то, ради чего она жила, жажда и извращенная новая цель, которая настолько поглотила ее, что она осталась с абсолютно пустым разумом, сосредоточенным всем своим существом на поставленной задаче.

"Я собираюсь кончить", - простонал Тин, откинув голову назад, когда он вынул свой член из ее сисек, но сильнее прижал свою задницу к ее лицу. Он не хотел кончать без того, чтобы ее преданный язык не сделал свою извращенную работу, и быстро огляделся в поисках коктейля, который Дайна пила, когда он вошел. Он нашел стакан на расстоянии вытянутой руки, вылил напиток на пол и поднес его к своему члену, наклонив его под нужным углом, пока он дробил себя до конца, пока его задницу ласкали языком, и застонал, когда его член дернулся, и поток спермы, выплеснувшейся в стакан, оставил его сдержанным и легко выпитым.

Дайна тоже кончила, скуля и извиваясь на полу, этот оргазм был еще сильнее предыдущего, ее ноги терлись друг о друга, тепло и наслаждение проносились по ее телу, оставляя ощущение, что она плывет по течению. Она извивалась и скулила, наслаждение успокаивало ее, когда оргазм оставил ее, и она, наконец, обмякла, лежа на полу и скуля.

"Выпей мою сперму", - сказал Тим, поднося стакан к ее лицу, и восхищенная, сияющая блондинка не стала раздумывать. Она села, взяла стакан и отхлебнула напиток, в котором было немного приторного коктейля, прилипшего по бокам, но в основном это была густая, соленая сперма.

"Большое спасибо, хозяин", - сказала она, прикусив губу и облизывая внутреннюю поверхность стакана, чтобы получить еще больше этого теплого лакомства. "Ах, это невероятный вкус. Твоя сперма такая потрясающая. Что ты хочешь, чтобы я сделал дальше?"

Не собираясь отпускать ее на борьбу с преступностью, когда у него были яйца, которые нужно было осушить, Тим уже собирался сказать, что она должна снова пососать его член, но потом понял, что она готова на все. "Хм. Приготовь мне поздний ужин, а потом пососи мой член, пока я ем". Дайна теперь была прославленной гипнодомохозяйкой, в конце концов. Он должен был заставить ее делать все для него.

"Конечно! Я так люблю тебя, хозяин". Она слегка поцеловала его член и поднялась на ноги, отправившись на кухню, чтобы сделать то, что ей сказали.

Когда Джервис узнал, что к нему в гости пришли несколько накидок, он был до крайности раздражен, выскочил из своей комнаты и стал натягивать штаны, пока Селена лежала на кровати лицом вниз и задницей вверх, ее киска капала и была запущена, когда он вышел из нее и направился к своим "гостям". Благодаря своей благосклонности к персоналу Аркхэма и новым связям с мафией, он практически сам управлял психушкой, не сидя в камере, а занимая роскошно обставленную спальню, которая раньше была покоем начальника тюрьмы, но начальник тюрьмы нашел свое горло "таинственно" перерезанным, и теперь Тетч был главным. Но они не могли так просто допустить, чтобы это стало известно, поэтому его место занял фигурант, который никогда не пользовался главным кабинетом начальника, и когда кто-то приходил, чтобы поговорить с ним, им приходилось делать вид, что он все еще заключенный, что означало приходить в зал заседаний в наручниках и без шлюхи, которую трахали сзади.

По их утверждению, это была "процедура", комната оставалась пустой, пока пациента вводили и усаживали в безопасное место, прежде чем кто-то мог войти в комнату, что должно было позволить им ждать до последней минуты, чтобы надеть на него наручники. Затем один из охранников вышел из комнаты, чтобы сообщить посетителям в плащах, что им разрешено войти. Это раздражало, и набухший стояк в штанах Безумного Шляпника не давал ему покоя, пока он сидел там, надеясь, что есть что-то стоящее во всей этой херне с сидячей уткой.

И тут вошел Красный Робин, ведя за собой на поводке Черную Канарейку, и злодея охватила интрига.

Но у Черной Канарейки был сильно изменен гардероб. В дополнение к поводку, на котором она шла, ее сапоги на высоком каблуке стали еще выше, не только на каблуке, но и в самой длине сапог, еще больше поднимаясь вверх вдоль ее все еще обтянутых чулками в сеточку ног. Купальник был заменен мини-юбкой и бюстгальтером, которые она носила под фирменной кожаной курткой. Она больше походила на стриптизершу в стиле Черной Канарейки, чем на героиню, но нельзя было отрицать, что это на самом деле, и от этого Джервис медленно улыбался все шире и шире.

"Можете снять с него наручники", - сказал Красный Робин, войдя в комнату и стоя там, даже не потрудившись присесть или скрыть, что он знает. "Мы уже знаем, что он управляет этим местом, не так ли?"

"Да, хозяин, знаем", - сказала Черная Канарейка, послушно оставаясь рядом с ним.

"О, я вижу, вижу, вижу!" Джервис гоготнул, глаза расширились. "Украл пакет, но не для того, чтобы уничтожить. Чтобы оставить себе. Сохранить ошейник. Оставь себе шлюху. Пусть она будет твоей. О да, теперь я понимаю, это все так восхитительно! Сделай ее игрушкой. Игрушкой для мальчика. Нет, не мальчика. Теперь мужчина. Взрослого мужчины со взрослыми мужскими потребностями. Грудастые шлюхи и грязные развратницы, рут, рут, трахни ее в задницу!". Он засмеялся, и когда охранник расстегнул наручники, его руки вырвались на свободу. "Ты здесь не для того, чтобы разрушать. Нет, ты хочешь созидать. Создать больше товарищей. Какое прекрасное, прекрасное состояние". Его защита от сбоев сработала, и он не ожидал, что она не сработает, но то, что она так быстро приманила героя и показалась ему настолько развращенной, чтобы перепрофилировать его технологию, было лучшим вариантом развития событий.

"Я здесь, чтобы поговорить о делах, Тетч", - сказал Красный Робин, подходя ближе к столу. "И я уверен, что ты готов слушать. Ты уже знаешь, что мои связи могут тебе предложить".

"О, да, да, связи. Связи и направления, позволяющие людям покупать чужие привязанности. Мы должны пойти в мой офис и говорить, говорить, говорить и говорить несколько дней!"

Красный Робин покачал головой, на его лице появилась широкая ухмылка. "Давай пока поговорим прямо здесь, мне хочется заняться чем-нибудь другим, а не двигаться. Дайна, садись на стол".

Черная Канарейка практически бросилась на стол, выставив свою пышную задницу высоко в воздух, ее юбка не отличалась скромностью, но задравшаяся юбка демонстрировала стринги, которые она носила под ней, когда Красный Робин протянул руки вверх, чтобы стянуть ее. Она покачивала бедрами, а ее собственные руки тянулись к коленям Безумного Шляпника, пытаясь стянуть его штаны. "Хозяин сказал, что мой рот - это жертва мира, так что, пожалуйста, трахай мое лицо так сильно, как хочешь". Она уставилась на него широкими, отчаянными глазами, посмотрев вниз, чтобы увидеть его все еще напряженный и пульсирующий член, который заставил ее загореться от восторга. "Ах, ты такой же большой, как и хозяин! О, какой аппетитный член, пожалуйста, засунь его мне в глотку".

Джервис почти вскочил со стула, чтобы подняться на ноги и вогнать свой член в горло Черной Канарейки, наблюдая, как Красный Робин овладевает ее киской сзади, и он понял, что только что нашел самого ценного делового партнера.

<http://erolate.com/book/3851/104387>